

водной и об интегралах, только сбивают учащихся, создают путаницу и отнимают много времени.

Наконец, по мнению Клейна, на первых ступенях образования надо отказаться от строго логических тенденций; нужно возможно больше наглядных представлений, возможно большее число наглядных примеров из повседневной жизни. Но при этом Клейн считает необходимым, чтобы в течение последних лет обучения логическая сторона дела достаточно проявлялась”.

Все эти принципы не только прогрессивны, но и удивительно актуальны, современны! Каждый из вас может на собственном опыте проверить степень достоверности следующего утверждения Болтянского: “Достаточно сказать, что в советской школе эти принципы осуществлены более или менее полно лишь за последние два-три десятилетия”. Что ж, становление “нового мышления” и способов его формирования – исторический процесс во всех смыслах. И, как писали в 1964 г. Я.Зельдович и А.Мышкис, тут нельзя проявлять чрезмерную поспешность. Но нельзя и тянуть без конца. Можно было бы начать с разработки и широкого обсуждения развернутых программ. Вслед за этим – приступить к экспериментальному преподаванию по новым программам в школах, обсуждению результа-

тов, изданию учебников. Реформа 60-х гг. захлебнулась, но ее основные идеи, как и мысли Гумбольдта и Клейна, продолжают жить...

Сегодня процесс реформирования школы идет на всем постсоветском пространстве. Идет не просто, как не просто шел и тридцать, и сто лет назад. Одни увлечены внедрением формальных преобразований и решением мелких специальных вопросов. Другие остаются на позициях, “безнадежно устаревших уже двести лет назад”, не понимая, что “всякие методические усовершенствования в этой области равносильны усовершенствованию каменных топоров”. Третьи пытаются пайти такие подходы и методики, при которых современное знание будет в школьной программе не вычурным украшением или жупелом, а естественным, неотъемлемым компонентом, придающим актуальность самым “классическим” разделам наук.

Все это нормально. Главное – больше созидательной деятельности, тогда будет из чего выбирать. Недаром на “аксиоме выбора” покоится здание всей современной математики. Надо только иметь смелость выбрать и затем следовать избранному пути. Перевороты в умах совершаются быстро, но подготавливаются годами кропотливого и неустанного труда.

было предложено ответить на вопрос, как ООН содействует развитию психологии? Оценка оказалась единодушной: слабо. Но, когда я рассказал о том, что в нашей Республике должность практического психолога на всех этапах образования закреплена законодательно, что в вузах ведется подготовка большой группы практических психологов, а в свет выходит журнал “Психология”, зал разразился аплодисментами. Кстати, они оказались единственными, которые, если не считать процедуры открытия и закрытия, прозвучали на Конгрессе.

Но вернемся к реалиям и, как говорят мои очень образованные аспиранты, попробуем отрефлексировать, а попросту говоря, обдумать, осмыслить тот уровень развития практической психологии, на котором мы находимся, чтобы понять, как и что следует делать дальше; какими должны быть методологические и теоретические основы практической деятельности психолога; как нужно готовить практического психолога и в какой ситуации он находится и должен находиться в педагогических коллективах тех учебных заведений и учреждений, где работает.

Мне кажется, в этой связи полезно рассмотреть и вопрос о психологической культуре личности, являющейся, во-первых, условием, а во-вторых, целью деятельности практического психолога.

Я.Коломинский, докт. психол. наук

Белорусский государственный университет им. М.Танка

Психологическая культура – условие и цель деятельности психолога*

*Старательно мы наблюдаем свет,
Старательно людей мы наблюдаем
И чудеса постигнуть уповаем:
Какой же плод науки долгих лет?
Что, наконец, подсмотрят очи зорки?
Что, наконец, поймет надменный ум
На высоте всех опытов и дум,
Что? точный смысл народной поговорки.*

Евгений Баратынский

Иntenсивное развитие практической психологии – вещь хорошая и в то же время опасная. Людей, которые выпускают из бутылки джина, всегда тревожит, что за этим последует. Но, высказывая подобное предостережение, хочу вместе с тем отметить: уровень развития практической психологии в Беларуси достаточно высок.

Сравнительно недавно я участвовал в работе Международного конгресса по прикладной психологии, который проходил в Сан-Франциско. В ходе Конгресса участникам одной из его секций

* Психология. – 2000. – № 2. – С. 14–19.

Прежде всего несколько слов о самом понятии “психологическая культура личности”. Дело в том, что очень часто те или иные слова и словосочетания от повседневного использования как бы утрачивают свой концептуальный, теоретический смысл. Вот и сегодня на слуху множество выражений со словом “культура”: “экологическая культура”, “эстетическая”, “этическая”, даже, если хотите, “культура гастрономическая” и т.д. Но о “психологической культуре” приходится слышать значительно реже. Ни в одном современном психологическом словаре вообще нет такого понятия. Некоторые намеки на него можно найти, пожалуй, только в разного рода общих определениях культуры, например, в Советском энциклопедическом словаре:

«“культура” – от лат. “культура”, что означает “возделывание”, “воспитание”, “образование”, “развитие”, “почитание”. “Это специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм, учреждений, духовных ценностях, в совокупности отношений людей к природе, между собой, к самим себе”». Как видно, в этой формулировке есть некоторые важные для нас культурно-психологические элементы.

Впрочем, может быть, содержательное, краткое определение психологической культуры сформулировать пока вообще затруднительно, хотя, конечно, можно утверждать, что именно психологическая культура отражает определенный уровень самопознания человечества, уровень отношения человека к окружающим людям, к самим себе, к природе...

Но попробуем поступить иначе: проанализируем структуру психологической культуры, что может оказаться намного полезнее поиска самого краткого определения.

Прежде всего отметим, что психологическая культура включает в себя два основных блока. Первый – теоретический (или теоретико-концептуальный), второй, который я называю практическим, связан с собственно психологической деятельностью. Первый охватывает результаты теоретической работы психологов, т.е. как раз те

самые классические труды в области психологии, которые представляют собой корпус психологического самопознания. Кстати, очень интересное определение культуры содержится в учебнике “Психология”, созданном сотрудниками Санкт-Петербургского университета (М., 1998): “Культура – это то, что люди делают с природой, делают с собой и делают с другими людьми и что они при этом думают и говорят”.

Очень часто, правда, на этом останавливаются, добавляя: психологическая культура – это теория познания человеком самого себя. Но, согласитесь, этого мало. Ведь в состав психологической культуры нужно включить и то, что можно назвать психологической деятельностью. А что

это такое, психологическая деятельность? Деятельность по психологическому личностному самообслуживанию, т.е. та деятельность, которую человек обращает внутрь самого себя и которая обслуживает его собственный внутренний мир. Иными словами, – деятельность самопознания, деятельность, связанная с

Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком. Тем же самым актом, посредством которого он создает язык, человек отдает себя в его власть: каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг.

В. Гумбольдт

формированием собственных внутренних инстанций, со способностью преодолевать те или иные внутренние трудности; деятельность, вынесенная за пределы личности, межличностная деятельность, которая тоже опосредуется психологической культурой.

Психологическую работу человека над собой как деятельность в частном случае очень выразительно определил Ф.Василюк в своей книге о психологии переживания. Здесь он прямо говорит, что “переживание понимается нами как особая деятельность, особая работа по перестройке психологического мира, направленная на становление смыслового соответствия между сознанием и бытием” (Ф.Е.Василюк. “Психология переживания”. – М., 1984).

Итак, можно считать, что психологическая культура имеет два основных уровня. Теоретический, представленный психологией, психотерапией и теорией воздействия людей друг на друга, которую разработали специалисты и которая стала достоянием науки. Но есть и другой, так сказать, доконцептуальный, житейский уровень психологической культуры. Эту культуру народ создает до, без и помимо психологов. Факт оче-

видный: каждый человек – психолог, и каждый сам для себя – психологическая лаборатория. Чуть-чуть забегаю вперед отмечу, что, на мой взгляд, формирование психологической культуры связано с выстраиванием методологических мостиков между тем опытом человека, в котором он выработал свою собственную психологическую культуру, и научным уровнем последней.

Чтобы прояснить, что я имею в виду, когда говорю о спонтанной психологической культуре и культуре книжной, теоретической, проведу маленькую аналогию. Мировая музыкальная культура представлена в произведениях великих композиторов, музыковедов, историков музыки и т.д. Ей учат в консерваториях. Но наряду с ней есть огромный пласт музыкальной культуры народа, который проявляется в песнях, частушках, во всем том, что и составляет его музыкальную стихию. Эти два пласта музыкальной культуры очень интенсивно между собой взаимодействуют. Глинка говорил, что музыку создает народ, композиторы же ее только преобразуют, аранжируют.

И психологию создает народ. Что же касается психологов, то они, в меру своих сил и возможностей, описывают, осмысливают, обобщают психологический опыт народа. Так что,

если какой-то психологический феномен не представлен в народном творчестве, в фольклоре, в произведениях великих поэтов и писателей, если его во всем этом нет, значит, его нет вообще. Если то, что психолог формулирует в своих теориях, никак не представлено в реальной человеческой жизни, тем хуже для психолога. Житейская психологическая культура и культура книжная, теоретическая очень сложно и интересно взаимодействуют между собой.

Такого рода взаимодействия мы наблюдаем, когда некоторые понятия психологии переходят с концептуального уровня на уровень повседневности, когда происходит, как красиво и сложно выражается А.Полонников, используя термин Б.Вальденфельса, “оповседневнивание”.

Пример. Если вы смотрите по телевидению американские фильмы (а вы их, конечно, смотрите, потому что, порой, просто больше нечего смотреть), то слышите огромное количество высказываний, связанных с психоанализом. К приме-

ру, преступник потому совершил преступление, объясняют зрителям, что у него была жестокая мама или трудное детство, т.е. происходит постоянное движение вниз, в детство. Часто можно услышать и о разного рода комплексах: “у меня нет комплекса неполноценности” или “комплекса вины” и т.п. Такого рода “прогрессивные” тенденции наблюдаются и у нас. Мне как-то довелось услышать следующее. Один человек говорил о другом так: “Он вообще комплексун, а она комплексунья (или комплексуха)”. Как раз это я и имел в виду, когда говорил о том, что некоторые понятия из научных теорий идут вниз, и там активно используются. Правда, у нас такого рода движение выражено слабее. Просто наша наука еще несет на себе печать той доперестроечной психологии, когда говаривали, что у нас есть психология “уха-горла-носа”, что же касается психологии личности или социальной психологии, то она нам не очень-то интересна. (Кстати, недавно мне пришлось прочитать следующие слова Т.Лысенко: “В Советском Союзе люди не рождаются, у нас рождаются организмы, а потом

мы уже из них делаем академиков и т.д. ”...)

Житейская психология существует в виде житейских понятий и реальных житейских способов индивидуальной саморегуляции, дру-

гих форм психологической деятельности. Житейские понятия обладают и своими свойствами, но в связи с тем, что их никто специально не создает, их и усваивают стихийно, в процессе непосредственного общения.

Само по себе изучение житейского, психологического тезауруса, житейской, психологической мудрости или житейской психологической нравственности – важная и интересная задача. Ее-то и должны решать практические психологи. Почему они? Да потому, что именно они работают не с учеными-психологами, а с детьми, родителями, т.е. с такими “потребителями”, которые никогда психологию не изучали. Но для практического психолога вовсе не безразлично, каков этот уровень психологической преобразованности; в какую почву приходится “сеять”. Говоря по-белорусски, “зерне падае не на каменне”. Иными словами, зерна нашей книжной мудрости падают на уже засеянную почву, и нужно понять, как эти две стихии – книжная, теоретическая и внутрен-

Язык служит руководством к восприятию социальной действительности... Мир, в котором живут общественные образования, говорящие на разных языках, представляет собой различные миры, а не один и тот же мир с различными этикетками...

Э.Сепир

няя, спонтанно-психологическая – сосуществуют. Здесь можно опереться на очень интересную концепцию социальных представлений замечательного французского психолога Сержа Московичи.

Социальные представления – это представления, которые сложились у народа относительно тех или иных социальных объектов. С.Московичи провел блестящее исследование того, как, например, воспринимается, трактуется и концептуализуется психоанализ во Франции. Думается, и для нас это было бы тоже и поучительно, и интересно.

Итак, на основе изложенной концепции психологической культуры предлагаю сделать два следующих шага. Первый связан с реализацией идеи о культурно-психологическом опосредовании межличностных взаимодействий во всех социальных системах. В самом этом понятии – “культурно-психологическое” – чувствуется влияние Л.Выготского с его культурно-исторической концепцией развития человеческой психики. Но культурно-исторический путь проходит не только психика, но и ее отражение в психологических теориях и концепциях, что представляет еще один аспект преодоления “постулата непосредственности”.

Дело в том, что если человеку на эмпирическом уровне кажется, что он общается с собеседником без посредников, непосредственно, лицом к лицу или, по-белорусски, “твар у твар”, он ошибается: непосредственных межличностных контактов не существует. Все социальные контакты и акты коммуникации, кроме, конечно, может быть, самых примитивных, витально обусловленных, опосредованы тем слоем психологических знаний и представлений, которые есть у человека. Значит, между мной и кем-то другим стоят мой и его слои представлений о том, что такое человек: добрый ли он от природы или злой, что можно себе позволить по отношению к нему... Два этих слоя определяют и наши отношения друг с другом, и наши воздействия друг на

друга. Причем, воздействия не только житейские, но и профессиональные – и как психологов, и как педагогов.

Вообще-то психологическая культура существует в нескольких аспектах: общем (с фоновыми знаниями в области психологии, которые есть у любого человека) и профессионально-психологическом, т.е. как профессионально-психологическая культура педагога, врача, юриста, инженера. Свой профессионально-психологический слой имеют все профессии. Продемонстрирую сказанное на примере педагогической модели.

Каковы взгляды человека на ребенка, каково содержание его отношения к нему, так он с ним и поступает. Исторически зафиксировано несколько типов детско-родительских отношений. Скажем, когда-то, в древности, был распространен такой стиль отношения к ребенку, который позволял его убивать; в соответствии с христианско-кальвинистской мо-

рально считалось, что ребенок – результат греха, несущий в себе греховное начало, а потому цель воспитания – выбить из него этот грех. Отсюда и жестокость воспитательных воздействий. Или, например, локковская “табула раса”, согласно которой душа ребенка – “чистая доска”, а воспитатель – демиург, который мо-

Каждому времени свойственны свои представления относительно того, обладает ли человек свободой выбора, или же его поступки детерминированы извне, рационален он или иррационален, способен открыть истину, или ему суждено жить в мире иллюзий. В конечном счете, психологии приходится заниматься этими вопросами, чтобы не утратить своего авторитета. Плодотворная психологическая теория способна трансформировать представления общества в целом – как было, например, в случае психоанализа. Однако это может произойти только в том случае, если теории есть что сказать о том, что люди делают в реальных культурно значимых ситуациях

У.Найссер.

(Познание и реальность. – М., 1981. – С. 24)

жет все, т.е. уже совершенно другая педагогическая стратегия. Взгляды Руссо, связанные со “свободным воспитанием”, основывались на том, что из рук творца все выходит совершенным и все портится в руках человека, – тоже совсем другое воспитание. Сегодня, когда исповедуются гуманистическо-психологические взгляды, диктующие помогающий стиль, воспитатель может абсолютно ничего теоретически об этом не знать, но подобные представления он впитал с молоком матери. В связи с вышеизложенным хочу возразить моему доброму товарищу И.Кону вот в каком отношении: Игорь Семенович, ссылаясь на Демоза, рассматривает стили воспитания как исторически сменяющие друг друга. Я с этим не согласен. Ничего подобного не происходит. Разные стили сосуществуют. Современная уголовная хро-

ника вполне это демонстрирует: здесь есть и убивающий по отношению к ребенку стиль, и бросающий, и жестокий... Все эти стили живы до сих пор. И надо понимать, что они есть, чтобы на их место поставить прогрессивные, гуманистические подходы по отношению к ребенку.

Практический психолог – человек своего времени, и то, как он воздействует на людей, какие применяет психотерапевтические техники, зависит не только от его теоретических убеждений, но и того образа человека, носителем которого он является. И, конечно же, психолог, исповедующий психоанализ (в котором доминирует образ “человека желающего”), будет относиться к людям иначе, чем психолог, исповедующий бихевиористскую модель (где доминирует образ человека “механического, реагирующего”), или психолог – сторонник когнитивной модели с образом “человека познающего”, или – гуманистической, с образом “человека сочувствующего” и т.д.

Разумеется, психолог работает с живыми людьми, но между ним и ими всегда стоит его культурно-психологическая концепция, которую он, может, даже и не осознает. Ведь фактически, что такое психотерапия? Это деятельность, связанная с формированием у человека (имеющего свои стихийные психологические взгляды, психотерапевтические ожидания) определенной психологической культуры. Психолог опосредует поведение человека. Психотерапевт навязывает ему свою концепцию, свой психотерапевтический взгляд.

Например, независимо от того, верен психоанализ или нет, мы знаем, что некоторым людям он помогает. Почему? Потому что психоаналитик перевоспитывает клиента. Он навязывает ему психоаналитический взгляд и на себя самого и на окружающих. Точно так же перевоспитывают клиента и бихевиористы, и гештальтисты, и все остальные психотерапевты, превращая своего клиента в союзника, а если этого нет, если у клиента и психотерапевта разные культурно-психологические представления или, как говорил К.Юнг, разное психологическое мировоззрение, столкнуться они не смогут.

После того, как я произнес слово “столкнуться”, хочу сделать следующий шаг. В теории культурно-психологического опосредования этот шаг связан с освоением в психологическом плане теории лингвистической относительности. Так, в известной теории Селира-Уорфа, восходящей еще к Гумбольдту, речь идет о том, что человек,

говорящий на определенном языке, и мир воспринимает в категориях данного языка. Так что родной язык – не просто техническое средство. Речь определяет наше отношение к миру, а значит, нужно понять, что культурно-психологическая относительность существует, т.е. существует корпус культурно-психологических понятий и представлений, посредством которых личность общается и взаимодействует с другой личностью.

Теперь несколько слов о целях деятельности практического психолога. Они в общем-то очевидны: психологическое образование, формирование психологической культуры учеников, родителей, всего населения. Подобно тому римскому сенатору, который заканчивал любое свое выступление словами: “Карфаген должен быть разрушен!”, я скажу то, что всегда говорю и буду говорить: школе нужна серьезная психологическая культура. Нужны и психология как учебный предмет и воспитание психологической культуры личности.

Стили воспитания

(по Л.Демозу. “История детства”)

1. Инфантицидный стиль (до IV в. н.э.): детоубийства. Стиль – Медя.
2. Бросающий стиль (IV–XIII вв.): младенца сбывали кормилице, в монастырь, в чужую семью.
3. Амбивалентный стиль (XIV–XVII вв.): ребенку уже дозволено войти в эмоциональную жизнь родителей, но ему еще отказывают в самостоятельном духовном существовании. Если ребенок сопротивляется, его беспощадно бьют, “выколачивая” своеволие как злое начало.
4. Навязчивый стиль (XVIII в.): ребенка уже не считают опасным существом, родители к нему значительно ближе. Навязчиво, однако, стремление полностью контролировать не только поведение, но и внутренний мир, мысли и волю ребенка, что усиливает конфликты отцов и детей.
5. Социализирующий стиль (XIX – середина XX вв.): цель воспитания – не столько завоевание и подчинение ребенка, сколько тренировка его воли, подготовка к будущей самостоятельной жизни. Ребенок – объект социализации.
6. Помогающий стиль (с середины XX в.): ребенок лучше родителей знает, что ему нужно на каждой стадии жизни. Важно не столько дисциплинировать или формировать его личность, сколько помогать его индивидуальному развитию. Отсюда – стремление к эмоциональной близости, пониманию, эмпатии.